

EDN: JMHRGY
УДК 39:911.3 (14)

Geosophy and Geopoetics of the Russian North: Myth, Symbol, Ritual

Nikolay M. Terebikhin*

*Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research
of the Ural Branch of the RAS
Arkhangelsk, Russian Federation*

Received 01.10.2023, received in revised form 03.10.2023, accepted 07.11.2023

Abstract. The article presents the scientific results of research in the field of geosophy and geopoetics of the Russian North. They are of great conceptual and applied importance for understanding the modern strategy and practice of the spatial development of the Northern macroregion. The methodological basis of the study is the semiotics and hermeneutics of traditional culture of local and ethnic communities of the Russian North, as well as works included in the cycle of the Northern supertext of Russian literature. The article reveals the semantic content of the mythologeme “Original Rus” as one of the root images of the Russian North and the Russian Arctic’ mythopoetic space, associated with the symbolism of the “eternal return” to forgotten and abandoned, but remembered and acquired spiritual (polar) Motherland. The cryosophical and mythological-ritual semantics of the «glacial» cultural landscape of the northern and Arctic territories has been studied. The fundamental role of the «island» («archipelagic») image-symbolic complex as a structural paradigm for the arrangement of sacred and geocultural space, embodied in the ensembles of island monasteries of the Northern Thebaid and pagan temples in the archipelagos of the Russian Arctic, in the topography of the urban and zemstvo worlds of the Russian North, is revealed. The main stages of the formation and deployment of humanitarian geographical research in the Russian North, which marked a «spatial turn» and a change in problem-subject areas and methodological paradigms in the strategy of a number of scientific schools and areas of northern regional studies, are identified.

Keywords: geosophy, geopoetics, Russian North, geocultural space, glacial landscape, myth, symbol, ritual, island, archipelago.

Research area: philosophical anthropology, philosophy of culture.

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Fund in the framework of the scientific project No. 22–28–20502, <https://rscf.ru/en/project/22–28–20502/>.

Citation: Terebikhin N. M. Geosophy and geopoetics of the Russian North: myth, symbol, ritual. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2227–2235. EDN: JMHRGY

Геософия и геопоэтика Русского Севера: миф, символ, ритуал

Н.М. Теребихин

*Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени Н. П. Лавёрова Уральского отделения РАН
Российская Федерация, Архангельск*

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования в области геософии и геопоэтики Русского Севера, имеющего важное концептуальное и прикладное значение для осмысления современной стратегии и практики пространственного развития Северного макрорегиона. Методологическую основу проведенного исследования составили семиотика и герменевтика текстов традиционной культуры локальных и этнических сообществ Русского Севера, а также произведений, входящих в цикл Северного сверхтекста русской литературы. В статье раскрыто смысловое содержание мифологемы «Руси Изначальной» как одного из корневых образов мифопоэтического пространства Русского Севера и Русской Арктики, связанных с символикой «вечного возвращения» на свою забытую и покинутую, но припоминаемую и обретаемую духовную (полярную) Родину. Изучена криософская и мифоритуальная семантика «ледникового» культурного ландшафта северных и арктических территорий. Выявлена фундаментальная роль «островного» («архипелажного») образно-символического комплекса как структурной парадигмы устройства сакрального и геокультурного пространства, воплощенного в ансамблях островных монастырей Северной Фиваиды и языческих капищ на архипелагах Русской Арктики, в топографии городских и земских миров Русского Севера. Выделены основные этапы становления и развертывания гуманитарно-географических исследований Русского Севера, знаменовавших «пространственный поворот» и смену проблемно-предметных областей и методологических парадигм в стратегии ряда научных школ и направлений северного регионоведения.

Ключевые слова: геософия, геопоэтика, Русский Север, геокультурное пространство, ледниковый ландшафт, миф, символ, ритуал, остров, архипелаг.

Научная специальность: 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–20502, <https://rscf.ru/project/22–28–20502/>.

Цитирование: Теребихин Н. М. Геософия и геопоэтика Русского Севера: миф, символ, ритуал. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2227–2235. EDN: JMHRGY

«Пространственный поворот»: путь на Север

Предтечей и своего рода программным манифестом «пространственного поворота» в гуманитарных исследованиях Русского Севера явилась публикация в журнале «Коммунист» (1986) статьи двух выдающихся деятелей русской науки и культуры – академик Д. С. Лихачева и В. Л. Янина, которые в предчувствии грядущей катастрофы разлома и распада исторического пространства Державы запечатлели спасительный образ Русского Севера как величественного памятника мировой и отечественной культуры (Likhachev, Janin, 1986), как живого целостного геопространственного символа и структурной парадигмы сакральной архитектоники Русского Мира в его микро- и макрокосмических измерениях.

Знаковое место в становлении «геотеологического» дискурса Русского Севера занимают церковно-исторические и богословские труды протоиерея Льва Лебедева, который в канун тысячелетия Крещения Руси раскрыл традиционные святоотеческие представления о Русской Земле как воплощении образа «обетованной земли» Царства Небесного Иерусалима Нового, а также сформулировал основные положения «богословия острова спасения», или «островного богословия», имеющего первостепенное значение для распознавания и истолкования ядерных образов и символов сакрального пространства северных и арктических территорий России (Lebedev, 1995).

Собственно «пространственный поворот» в гуманитарных исследованиях Русского Севера был ознаменован пионерскими разысканиями автора данной статьи в области сакральной географии (Terebikhin, 1993), религиозной геософии и маринистики (Terebikhin, 1999), метафизики Севера (Terebikhin, 2004), ставшими плодотворным истоком нового научного направления в североведении – «Северный текст русской литературы», глубинный смысл которого, по определению профессора Е. Ш. Галимовой, заключен «в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства,

таящего в себе в “запечатленном” виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова. Это смысловое ядро Северного текста, его “запечатленная” тайна» (Galimova, 2017).

Мифопоэтика «Руси Изначальной»

В иерархии сакрального геопозэтического тезауруса и мифопоэтической концептосферы Северного текста русской геофилософии и русской геофилологии как «софийной» и «логосной» форм бытия Русского Севера (Galimova, 2017) средоточную смыслообразующую роль играет мифологема Руси Изначальной, содержащая в себе весь образно-символический ансамбль мест «другой», «потаенной», «святой», «обетованной» «новой» земли, геопозэсис (землетворение) которой происходит здесь и сейчас прямо на глазах, обладающих тайнозрением очарованных странников-инициантов, взыскующих достижения тех инициатических пространств и горизонтов, которые «не от мира сего». Таким почитательным топосом для русских геопозэтов-«мифомыслителей» (С. Н. Дурылин, М. М. Пришвин), отправлявшихся на поиски «незримого Града» своей забытой и покинутой, но припоминаемой и обретаемой духовной Родины, являлся Русский Север. По словам Н. В. Борисовой – известной исследовательницы «мифопоэтики всеединства в философской прозе М. Пришвина», писатель в своих геопозэтических разысканиях метагеографических истоков русской души и русской идеи проник «в сокровенную глубину чистых родников исконного “прароссианства”. Есть, есть эта страна обетованная, “страна непуганых птиц”, где дышит нетленный дух славянства, русский дух, где жива народная душа в своей незамутненной чистоте, где прошлое и настоящее сходятся в пространстве Русского Севера с его чарующими бесценными звуками народной речи, сказками, древними поверьями, былинами, где люди все еще чисты и правдивы, наивны и мудры, где “зверь

покорен человеку”, а абсолютная вера в Божий промысел соединена с архаичными обрядами и мифическими представлениями» (Borisova, 2004).

Мифомыслительному взору М. Пришвина Север открылся как изначальный, но вечно новый, молодой, только что созданный Творцом водно-каменный окоём, окутанный и сплетенный мироустроительной молитвенной тишиной (священнобезмолвием-исихией): «Безмолвие! Лес, вода и камень... Творец будто только произнес здесь: “Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша”. И вода стала стекать к морям, а из-под нее – выступать камни. В этих местах создалась такая карельская легенда: “Вначале в мире ничего не было. Вода вечно волновалась и шумела. Этот шум несся к небу и беспокоил бога. Наконец, разгневанный, он крикнул на волны, и они окаменели, превратились в горы, а отдельные брызги – в камни, рассеянные повсюду. Места между окаменелыми волнами наполнились водой, и так образовались моря, озера и реки”» (Prishvin, 1982a).

Метагеология и криософия гиперборейского ландшафта

Величественное зрелище геопозитического чуда рождения ледяного (водно-каменного) мира Русской Арктики живописал «чародей Севера», «добрый архангельский колдун» – С.Г. Писахов, который в своих умозрениях в красках и в слове развернул целостную геопанораму полярной символики арктического пространства как ледяной мировой горы («айсберг»), явленной в образе готического «ледовитого» собора-храма, наполненного светом и теургическими песнопениями: «Север (Арктика) – строгий, светлый крупнейший кафедрал. Простор напоен стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину.

Незакатное солнце наполняет светом радости. Север своей красотой венчает земной шар...» (Pisakhov, 2023). Арктика – застывшая в вечном покое криосферная окаменелость (криолит), запечатлевшая архетипику и архетопику рождения мира и его начального райского, детского пакибытия («сновабытия») (Terebikhin, Melyutina, 2021).

Молодость, светозарное утро кристаллизирующегося, становящегося, космизирующегося холодного мира Севера и Арктики отображены в геопозитической метафоре весеннего ледохода (ледополя) – бурного потока воды, несущего хаотические нагромождения «ледовитых» островов, полей, гор (торосов), земли, разнородного мусора, которые, каменяя, превращаясь в «камни воды», становятся каменными краугольными столпами (озы, камы, сельги, бараньи лбы, валуны) нарождающегося ледникового ландшафта бореального космоса, воспетого в творческом наследии выдающегося северного геофилософа и геопэта Ю.В. Линника, который дешифровал «ледниковый код» гиперборейского ландшафта, ставшего «эмблематическим обозначением самой сути северной природы» (Linnik, 2014b).

«В оссианических парках постоянно чувствуешь присутствие метафизических измерений <...>. Ледник проявил себя еще и как хаосогенная сила. Она позитивна! Это не знак распада – совсем нет: в окружении так называемого валунного хаоса мы ощущаем космогоническую мощь природы – здесь она молодая, зиждательная» (Linnik, 2014a).

«Ледниковому» геологическому мировидению Ю.В. Линника, создавшему образ-концепт «геологического палимпсеста», чрезвычайно созвучен геофилософский символизм П.А. Флоренского, прозревавшего «эллинскую» метафизику вечной мерзлоты (криосферы) (Pavlyuchenkov, 2017) и многослойность текстуры бытия, стратиграфия которого изоморфна рисунку годовых колец на спиле дерева и спиралевидному, вихреобразному узору декоративного камня – кольцевого агата. Она явлена в геометрическом образе концентрических сфер (слоев), обладающих различной «плотно-

стью символичности» (различным «семиотическим статусом»), убывающих по мере удаления от центра к периферии: «При этом существо онтологической картины (а равно и стилю мышления Флоренского) скорее отвечал бы не просто зримый, геометрический образ, но образ более материальный, поскольку разноразнонасыщенность онтологических сфер, неоднородность их ноуменальной прозрачности естественно ассоциируется со слоями разных видов и свойств. В частности, весьма адекватным является здесь образ геологический, образ напластований земных пород, меняющихся по своей плотности и другим свойствам. Именно этот геологический образ ближе всего и связывается у Флоренского с универсальной парадигмой строения бытия; им даже вводится и особый термин “метагеология”» (Ногузху, 1994).

В краю «плывущего камня»

«Метагеология» Флоренского, или в другой терминологии «метафизическое землеведение», раскрывает геопозис, мифопозитику и сакральную («мегалитическую») геоморфологию островов и архипелагов Русского Севера и Русской Арктики, начертанных на «петроглифических» картах (чертежах) этиологических мифов, топографических и топонимических преданий коренных насельников северного Края Земли. В саамских «петрографических» сказаниях Лапландия изображается не только как «Край летучего камня», в мифопоэтическом универсуме которого окаменевшие «прадедки»-сейды летят на Восток (Charnolusky, 1972), но и сакральное водное пространство «плывущего камня», давшего начало множеству островов и архипелагов Белого и Баренцева морей, внутренних вод Кольского полуострова, Карелии и Архангельского Севера.

В лопарских топографических преданиях о происхождении мегалитических ландшафтов Русской Лапландии, исследованных известным российским этнографом Н. Н. Харузиным, мифопоэтика «окаменения» соплагается с мифологемой нарушения строжайшего сакрального «обета»

молчания (запрета производить шум), неукоснительно соблюдавшихся в мифоритуальной технологии («изыщном художестве») творения мироздания и его дальнейшей «доработки» культурным героем (шаманом, воином, первопредком): «Против Рыбачьего наволока лежат так называемые Айновы острова. О происхождении их у пазрецких лопарей существует следующее предание. Еще до принятия христианства лопарями в Печенгском погосте славились три брата-силача – нойды. Оленей в это время было мало, а в Швеции их было много. Вот братья и сказали матери: “поедем в Норвегу, отрежем кусок земли и приедем на ней со всем добром и оленями”. Они уехали, и мать спустя долгое время увидела во сне, что дети возвращаются. Она вышла из тупы и услышала шум, с радости она закричала: “вот детки едут, везут живота, быков, важенок (самка оленя); недаром же они говорили”. Когда она прокричала это, сама окаменела, окаменел и весь погост (деревня). Земля, на которой действительно подплывали ее дети, разорвалась на две части; нойды и олени потонули, а из земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, известные морошкой. Кроме этого предания о происхождении Айновых островов существует предание, что нойды хотели запереть островами вход в Печенгский залив, а Кильдинским островом вход в Кольский залив, для того чтобы сделать неприятность св. Трифону, проповедовавшему христианство в то время среди лопарей. Когда люди увидели подплывающую землю, они закричали: “земля идет!”. Земля тотчас остановилась, а нойды, плывущие на ней, тотчас окаменели. Кроме веры, что нойды могут отрезать куски земли и на них переплывать с места на место, в этих двух преданиях ясно выражено, что шум при совершении колдовства является гибельным для колдунов. В первом предании они тонут, во втором обращаются в камни» (Нарузин, 1889).

Исихия («тихость») Севера

С мифологемой «окаменения» иноземных воинов («немцев»), нарушивших своим

шумным разорительным вторжением мир, покой и святую тишину «белого», «островного» («соловецкого») моря, местное топографическое предание связывает происхождение островов Кузовского архипелага, являющего собой грандиозный мегалитический ансамбль, геоморфология и археология ледникового ландшафта которого есть предельно полное и геометрически точное воплощение (начертание) «водно-каменной» мифопоэтической картины мира древних и средневековых насельников Русского Севера. Ее «геомозаика» созидалась не только ледовитой «криософской» крепостью первобытных вод и первозданного камня, но и мироустроительной гармонией тишины (тихости), метафизику которой исповедовал и исследовал великий русский писатель-«мифомыслитель» археолог, этнограф, богослов и священник – С.Н. Дурылин, предпринявший ряд научных экспедиций и духовных хождений по заповедным, потаенным путям и перепутьям Русского Севера, над которым, по его словам, «тихий ангел пролетел над землею и водами – и утихло раз навсегда злое мирское волнение» (Цит. по: Ageeva, 2015)

Исследовательница метафизики молчания и «безмолвного пения» в традиции исихазма Е.Г. Мещерина, обращаясь к представлению о древнерусской культуре как о «культуре великого молчания», отмечает, что «тишина, бывшая в широком смысле синонимом мира, покоя, гармонии и невыразимости божественных тайн, – одна из главных категорий русской средневековой эстетики. В исихазме на самых вершинах “священнобезмолвия” отсекается не только псалмопение, но и сама молитва, ибо безмолвие выше всякой молитвы, в нем пребывает сам Господь» (Meshcherina, 2023), которого С.Н. Дурылин в соответствии со святоотеческой богословской традицией именуется «начальником тишины»: «*Начальник жизни* Христос вместе есть воистину и *начальник тишины*, ибо суетливо и шумливо лишь слепое бытие, мнимый образ жизни, а не истинное бытие и жизнь, которые обретаются в вечном покое и полноте» (Durylin, 1916).

«Ледовое побоище» на краю времени и пространства

Наряду с метафизикой тишины значимое место в геопозисе водно-каменного ледовитого ландшафта Русского Севера занимает мифологема «плавающих островов», символизирующая пребывание мироздания в лиминальном состоянии перехода, дрейфа, флуктуации, в «шумливом» хаосе праздничного устройства нового года и нового мира, зафиксированных водлозерским преданием о приплывшем острове как свадебном подарке водяному – хозяину озера, а также «зверобойкой» – поморским промысловым ритуалом ледового побоища – жертвоприношения морского зверя, из тела которого разворачивается космос новой жизни (Terebikhin, Melyutina, 2021). В процессе развития сюжета охотничьего обряда вооруженная промысловая дружина, состоявшая из семи ватажников («ушкунников»), отправлялась в поход на зверобойной лодке-«ледянке» («семерике») и высаживалась на проплывающий мимо ледяной остров, где поморы вступали в смертный бой с многочисленным стадом морских зверей. Батальное полотно ледового побоища на гиперборейском краю времени и пространства несомненно восходит к тому же прообразовательному (архетипическому) мифоритуальному сценарию «зверобойки», который воспроизводится в структуре традиционного календарного фарерского китобойного праздника Grindadrap, в начертаниях и резах на «листах каменной книги» петроглифов Фенноскандии, нанесенных шаманом – предводителем морских отрядов воинов-зверобоев.

Ледовые пространства арктических морей, где происходит эсхатологический ритуальный поединок человека и зверя, образует криософский, мифопоэтический каркас «аборигенного культурного ландшафта», концепция которого была разработана известным этнологом-североведом И.И. Крупником: «Ледовое культурное пространство можно определить как особый вид культурного ландшафта, формирующегося на месте сезонных или круглогодичных ледовых (гляциальных) экосистем

под влиянием человеческих знаний, рациональных и символических представлений, и использования для разных видов активностей, включая жизнеобеспечение, передвижение, рекреацию, коллективные праздники и передачу знаний» (Krupnik, 2008).

Богословие «острова спасения»

Весновальный новогодний промысловый ритуал испытания поморской судьбы – поединка с хозяевами морской стихии на дрейфующей льдине, где, по словам М.М. Пришвина, складывалась удивительная «самобытная организация людей и зверей, похожих на человека» (Prishvin, 1982), был чреват гибелью в «относе морском», когда ледяной остров Божиим попусением или судьбоносным поморским «Норд-Остом» (северо-восточный ветер-«полуношник» – «жгучий ветер полярной преисподней»), в котором великий русский геопэот-пророк М. Волошин прозревал «всю судьбу России», ее «страшную, безумную судьбу» (Voloshin, 2023) выносило в открытое море, где единственным пристанищем являлся остров Моржовец, который северными мореходами почитался «островом спасения». «Зацепившись», по их выражению, «за Моржовец», поморы воздвигали на острове памятные деревянные обетные кресты, а затем, соблюдая веру и обычаи морской старины, отправлялись с благодарственной молитвой на другой беломорский остров спасения – Соловецкий архипелаг, в монастырском и скитском священнобезмолвии которого имплицитно (подспудно) пребывало «богословие острова спасения», получившее свое эксплицитное иеротопическое воплощение в землеустроительных и храмоздательских деяниях и подвигах инока Анзерского скита Никиты Минова (Никона), ставшего патриархом всея Руси и устроившего Русскую Землю во образ Обетованной Земли Царства Небесного:

«Это богословие «острова спасения», или «престола Божия у моря», или «соборания святых среди моря» будет последовательно развиваться Никоном в течение всей

его жизни. При уходе из Анзерского скита в 1639 году на Белом море Никон попал в сильный шторм и едва не погиб, горячо моля Бога о спасении. И лодку его неожиданно выбросило на Кийский остров Онежской губы. На этом **острове** своего **спасения** (в буквальном смысле слова) Никон дал обет Богу поставить монастырь, что впоследствии, став патриархом, и исполнил. Придя в Кожеозерскую пустынь на материке, о. Никон довольно скоро испросил благословение на пустынножительство **на острове** посреди озера, где жил, соблюдая правило скита Анзерского острова. <...>

Что все это делание не было безотчетным (просто в память об Анзерском острове, где он принял монашеский постриг), убеждает нас то обстоятельство, что святейший Никон создает свои островные монастыри и прочие островные сооружения в тот период, когда его сознанием уже владеет «иерусалимская» и «новоиерусалимская» символика. Следовательно, это островное богословие соединяется, сочетается с богословием образа горнего мира» (Lebedev, 1995).

Сокровенное духовное наследие монастырского царства Северной Фиваиды было открыто трудами великих подвижников русской культуры – православного писателя, путешественника и паломника А. Н. Муравьева (Muraviev, 2014) и «бытописателя Земли Русской», этнографа «бродячей», «неведомой» и «святой» Руси С.В. Максимова (Maksimov, 1989), развернувших водно-каменную геопанораму островных православных обителей Русского Севера, среди которых особое место занимает Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, который в своем парадигмальном, аскетическом «каменно-островском» архитектурно-пространственном облике воплотил ключевые богословские и геософские концепты, образы и символы «спасения», «преображения», «острова-камня».

Выдающимся памятником островного храмоздательского (иеротопического) творчества, претворившим в своем архипелажном геопространственном образе всю

сокровищницу поморского сакрального симболариума, является Крестный монастырь, воздвигнутый на каменном Кий-островском архипелаге по воле и богословскому замыслу богатыря-патриарха Никона, для которого каменный остров на Белом море стал «камнем веры и правды» и островом «спасения». В память об этом чуде Никон в полном соответствии с канонами и поморской крестной обетной традицией воздвигнул крест на острове-камне, где до Крещения местной Чуди и Лопи могло, по предположению исследователей церковной археологии островной обители, располагаться аборигенное языческое святилище, подобное мегалитическим ансамблям Валаамского, Соловецкого и Кузовского архипелагов. «Символическая программа Крестного монастыря <...> воплотила одну

из граней символики рая, образа Обетованной земли на далеком северном острове» (Gnutova, Schedrina, 2006).

Островная метагеографическая матрица устройства геокультурного пространства была укоренена не только в монастырской иеротопии и «сумме теологии» острова спасения, но и в мифоритуальной практике геопозиса городских (Terebikhin, 2013) и земских (Terebikhin, 2023) миров, что превратило Русский Север в многогласную и многокрасочную геопространственную икону-карту всего священного триединого космоса русской жизни, покоящегося на «трех китах», трех краеугольных криофилитических камнях (криолитах) «святости, царства и земства» (Торогов, 1995) среди хаоса вод «главного гиперборейского моря» – Русского Архипелага.

Список литературы / References

- Ageeva E. A. Vodlozero in the notes of S. N. Durylin in July-August 1917 [Vodlozero v zapisiakh S. N. Durylina v iiule-avguste 1917 goda]. In: *Ryabininskie chteniia – 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiia Russkogo Severa* [Ryabinin' Readings – 2015. Proc. 7th Conf. on the study and updating of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, 2015, 6–8.
- Borisova N. V. *Mifopoetika vseidinstva v filosofskoi proze M. Prishvina* [Mythopoetics of Unity in the Philosophical Prose of M. Prishvin]. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin, 2004. 227 p.
- Charnolusky V. V. *V kraiu letuchego kamnia: Zapiski etnografa* [In the Land of the Flying Stone: Notes of an Ethnographer]. Moscow, Mysl, 1972. 271 p.
- Durylin S. V. Nachal'nik tishiny [Head of Silence]. In: *Bogoslovskii vestnik* [Theological Bulletin], 1916, 2(7/8), 417–445.
- Galimova E. Sh. Severnyi tekst russkoi literatury: metodologiya issledovaniia [Northern Text of Russian Literature: Research Methodology]. In: *Severnyi tekst kak logosnaia forma bytiia Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North], 2017, 1, 9–26.
- Gnutova S., Schedrina X. Kiiskii krest, Krestnyi monastyr' i preobrazhenie sakral'nogo prostranstva v epokhu patriarkha Nikona [The Holy Cross Monastery, the Kyi Cross and the Transfiguration of the Sacred Space in the Age of Patriarch Nikon]. In: *Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi* [Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia]. Moscow, 2006, 681–705.
- Haruzin N. N. O noidakh u drevnikh i sovremennykh loparei [About the Noids of Ancient and Modern Lapps]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1889, 1, 36–76.
- Horuzhy S. S. Filosofskii simvolizm Florenskogo i ego zhiznennye istoki [Philosophical Symbolism of Florensky and His Life Sources]. In: *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the Break. Ways of Russian Philosophy], 1994, 100–130.
- Krupnik I. I. Ledovye prostranstva arkticheskikh morei kak aborigennyi kul'turnyi landschaft [Arctic Sea Ice as Indigenous Cultural “Scape”]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modern Times], 2008, 1(4), 73–94.
- Lebedev L. *Moskva Patriarshaia* [Moscow of Patriarchs]. Moscow, Veche, 1995. 384 p.
- Likhachev D. S., Janin V. L. Russkii Sever kak pamiatnik otechestvennoi i mirovoi kul'tury [Russian North as a Monument of National and World Culture]. In: *Kommunist* [Communist], 1986, 1, 115–119.

- Linnik Yu. Monrepo [Mon Repos]. In: *Sever [North]*, 2014a, 9–10, 204–219.
- Linnik Yu. Monrepo [Mon Repos]. In: *Sever [North]*, 2014b, 9–10, 34–38.
- Maksimov S. V. *Po russkoi zemle [Across Russian Land]*. Moscow, Soviet Russia, 1989, 528 p.
- Meshcherina E. G. *Metafizika molchaniia «bezmolvnnoe penie» v traditsii isikhazma [Metaphysics of Silence and “Silent Singing” in the Tradition of Hesychasm]*. 2023. Available at: <http://www.hesychasm.ru/library/creation/mescherina.htm> (accessed 14 March 2023).
- Muraviyov A. N. *Puteshestvie po sviatym mestam russkim [Journey to the Holy places of Russia]*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2014. 759 p.
- Pavlyuchenkov N. N. Nauchnye issledovaniia i «simvolicheskie» sozertsaniia Sviashchennika Pavla Florenskogo na Dal'nem Vostoke [Scientific research and “symbolic” contemplation of Priest Pavel Florensky in the Far East]. In: *Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyi al'manakh [Humanity Space. International Almanac]*, 2017, 6 (3), 510–521.
- Pisakhov S. *Ia ves' otdalsia Severu [I Gave Myself to the North]*. 2023. Available at: https://royallib.com/read/pisahov_stepan/ya_ves_otdalsya_severu_sbornik_ocherkov.html#0 (accessed 14 March 2023).
- Prishvin M. M. V kraiu nepugannykh ptits [In the Land of Fearless Birds]. In: *Sobranie sochinenii: V 8-mi t. [Collected Works in eight volumes]*, 1982a, 1, 41–180.
- Prishvin M. M. Za volshebnyim kolobkom (Iz zapisok na Krainem Severe Rossii i Norvegii) [Behind the Magic Kolobok (From Notes in the Far North of Russia and Norway)]. In: *Sobranie sochinenii: V 8-mi t. [Collected Works in eight volumes]*, 1982b, 1, 181–386.
- Terebikhin N. M. *Sakral'naia geografiia Russkogo Severa: religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoi kul'tury [Sacred Geography of the Russian North: Religious and Mythological Space of Northern Russian Culture]*. Arkhangel'sk, Pomor State University, 1993. 220 p.
- Terebikhin N. M. *Lukomor'e: ocherki religioznoi geosofii i marinistiki Severnoi Rossii [Lukomor'e: Essays on Religious Geosophy and Seascape Painting of Northern Russia]*. Arkhangel'sk, Pomor State University, 1999. 204 p.
- Terebikhin N. M. *Metafizika Severa [Metaphysics of the North]*. Arkhangel'sk, Pomor State University, 2004. 271 p.
- Terebikhin N. M. Arkhaicheskoe nasledie v landshaftno-topograficheskoi semiosfere severnogo goroda [Archaic Heritage within the Landscape-Topographical Semiosphere of the Northern Town]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Ser. «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]*, 2013, 4, 110–115.
- Terebikhin N. M., Melyutina M. N. Mifopoeticheskie aspekty traditsionnoi pomorskoj kriosofii i antropologii kholoda: rekonstruktsiia i interpretatsiia [Mythopoetic Aspects of Traditional Pomor Cryosophy and Anthropology of the Cold: Reconstruction and Interpretation]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Ser. «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]*, 2021, 21(4), 122–133.
- Toporov V. N., *Sviatost' i sviatye v russkoi dukhovnoi kul'ture. Tom I. Pervyi vek khristianstva na Rusi [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Volume I. The First Century of Christianity in Rus']*. Moscow, «Gnosis» – School «Languages of Russian Culture», 1995. 875 p.
- Voloshin M. *Severovostok [Northeast]*. 2023. Available at: <https://www.culture.ru/poems/33354/severovostok> (accessed 14 March 2023).